

# МУЗЫКА, РАСТВОРЕННАЯ В ТИШИНЕ

Фестиваль «Декабрьские вечера Святослава Рихтера» ищет  
новый взгляд на христианство

Независимая газета. — 1999. — 21 дек. — с. 7

Арсений Волков

«С Е ЧЕЛОВЕК» — такова вывеска на главном здании Музея изобразительных искусств имени Пушкина, оповещающая публику о том, что в 19-й раз здесь проходит камерно-музыкальный фестиваль, придуманный в 1981 году Святославом Рихтером.

В окружении деревянной скульптуры из разных уголков Европы и разной древности происходит последовательное музыкальное приближение к невидимой цели, которую можно обозначить словами «новый взгляд на христианство». И имена исполнителей, и выбор программ фестиваля подчеркивают, что вместо обращения к небесам и Богу как к всемогущему и грозному начальству западное христианство в его наиболее совершенных музыкальных образцах предпочитает обращаться к «простому» Богу, который находится среди нас.

Эту линию прочертили приглашенные гастролеры из дальних и не очень дальних «протестантских» стран. Сначала в Белом зале Пушкинского музея появился эстонский ансамбль «Hortus Musicus» — «Сад музыки» по-латыни — под руководством Андреаса Мустонена. Программа средневековой европейской музыки была представлена в лицах и жестах: гладкими полированными голосами, с подлинными инструментами, бархатными костюмами и бархатными шагами по сооруженной в музее сцене. Это был одновременно и маленький спектакль, данный силами боль-

ших музыкантов, и эстонский аналог музыкально-реставрационных мастерских. Они восстанавливали звучание и манеру исполнения церковной и светской музыки как маленького домашнего таинства, и им одинаково легко удавались простые крестьянские радости и религиозное просветление в духе архаического минимализма, когда музыкальный материал истончается до одного-двух звуков, а публика слушает все это как откровение и не устает от любого количества повторов.

На нынешних «Декабрьских вечерах» впервые представлена целая череда именитых европейских музыкантов, которые принципиально играют на старинных инструментах и совмещают исполнительство с «экспертной» работой над старинными текстами. На первую половину декабря пришлось два подобных визита — в Москве впервые выступили английская певица с непогрешимой репутацией Эмма Кёркби и ее соотечественники (а также немного конкуренты) ансамбль King's Consort, управляемый из-за клавишина Робертом Кингом.

«Королевский Консорт» (или же «Консорт Кинга») дал вечер музыки немецкого барокко, причем музыки, которая по современным правилам должна была бы игратьсь целым оркестровым составом, а на самом деле требует участия всего 5–6 человек согласно старым партитурам. Музыканты «только» читают ноты, как бы нарочно не комментируя их содержания, только озвучивая написанный текст так, как требуют условности и инструменты, на которые он рассчитан. Инструменты звучат именно так,

как им позволяет их природа, в своих естественных границах и возможностях: и чуть скрипучие жильные струны скрипок, и ворчливый тембр низких барочных гобоев, и чуть посудный призыв в верхних регистрах маленького комнатного органа-позитива... По сравнению с исполнителями на современных инструментах, англичане выглядели как звери в естественных условиях по сравнению с сородичами в просторном вольере зоопарка. Порядка куда больше на воле.

В двух баховских кантатах (по позднейшей нумерации 169 и 170) с «Королевским Консортом» выступил контр-тенор Роберт Блэйз. Суровые немецкие тексты про самоотречение и необходимость предпочесть небо земле он пел патетически наивным женским голосом, без утробных низов и кричащих верхов, не испытывая никакого неудобства, со всеми возможными психологическими подробностями — от робости до страсти с горящими глазами.

На прошлой неделе в Белом зале был XVII век, звучала только английская речь, музыка на грани тишины, и английская меланхолия. Видимо, было верно замечено, что самое большое удовольствие люди получают от самых простых вещей. Здесь только одна лютня, одно чистейшее сопрано, стол и два стула на сцене. В Англии были революции, реставрации, Шекспир с комедиями и хрониками, но при этом — только один композитор, за которого англичане могут совершенно не краснеть. Это Генри Перселл. Его представили чуткий лютнист Энтони Рули и сопрано Эмма Кёркби. За Перселлом — целый век

песенной традиции, одинаково понятной и поющим, и посвященным, но после него утраченной... Между трепетно поэвживающей лютней и будто бы растворяющимся в воздухе голосом Кёркби в тесных рамках XVII века заключен целый театр теней: невидимые (но очень эротичные) духи, которых надо было ловить, дева Мария, которая ищет потерявшегося 12-летнего сына, жаворонок, жалобы героя... Гибко и с ослепительной небрежностью Эмма Кёркби поет не столько «самим» голосом, сколько намеком — и этот намек, легкое дыхание почти бестелесного звука гораздо яснее, чем пение в полный голос.

Пунктирная линия, обозначенная в начале «Декабрьских вечеров», была продолжена американскими певцами Spiritual Ensemble, которые пели истории из Нового Завета так, как будто они произошли лично с ними и были только что здесь и теперь положены на музыку, поэтическим вечером актрисы Аллы Демидовой и еще одним английским ансамблем Henry's Eight («Восьмерка Генриха»). Вскоре наступит очередь непрерывных участников фестиваля, без которых он не обходился в последнее десятилетие ни разу: 23 декабря «Семь слов Христа» Иозефа Гайдна играет Квартет имени Бородина, а ближе к Рождеству на сцену выйдет и новый художественный руководитель «вечеров» Юрий Башмет с «Солистами Москвы». Им предстоит еще раз доказать, что элитарность и простота могут удачно совмещаться в том магическом музыкальном круге, который очерчен девизом этого фестиваля — «Се человек». ■